

Патриарх
Московский и всея Руси
КИРИЛЛ

Подумайте о будущем человечества

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва • 2018

Содержание

Главная опасность для современной цивилизации	5
Отказ от Предания и бесконечная реформация	15
Появление либерального стандарта	18
Код самоуничтожения	21
Что же дальше, как действовать?	28
Традиция, новации и нравственные ценности	33
Нравственные ценности и законодательство «Человек — мера всех вещей», или Нравственный кризис современной эпохи	43
Все относительно или не все?	49
Однополюсные союзы — удар по благополучию общества	51
Христианофобия... ..	53
...И дехристианизация западного мира	58
Причины религиозного экстремизма и терроризма	68
Крах философии либерализма	73
Хранить духовные и нравственные ценности, которые определил Сам Бог	77
Взаимодействие христианских конфессий в борьбе за традиционные ценности	82
Роль Православия в современном мире	86
Грех разрушает норму человеческого бытия	90

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл
П207 Подумайте о будущем человечества. — М. :
Издательство Московской Патриархии Русской
Православной Церкви, 2018. — 160 с.

Обращаясь к современному читателю, как к западному, так и к отечественному, Святейший Патриарх предлагает подумать о будущем человечества, потому что современное общество, размывая понятие греха, раскрепощает страшную разрушительную энергию человеческого инстинкта, которая в условиях гражданских свобод способна уничтожить и саму человеческую цивилизацию. Предстоятель Русской Православной Церкви призывает каждого осознать ответственность за весь человеческий род и остановить «сползание в бездну окончания истории».

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2018

ISBN 978-5-88017-693-9

Если исчезает закон любви	93
Начните жить добром.	99
Об участии Бога в нашей жизни.	103
Истинная вера хранит мир	109
Что может примирить человека с Богом? . . .	114
Когда человек становится другим	121
Идея подвига	126
Измени самого себя — и изменишь мир. . . .	132
Во власти информационных технологий . . .	134
Современному человеку молитва необходи- ма как воздух	136
Поле битвы — сердца людей	140
Россия и Запад: точки соприкосновения и расхождения	147
Хранить веру православную	158

Главная опасность для современной цивилизации

Мы живем в эпоху воинствующего безбожия. Оно произрастает из философских идей либерализма, но извращает эти идеи и пытается вынудить людей отказаться от Креста Христова, от веры, которую Крест символизирует, и от содержащихся в этой вере фундаментальных нравственных ценностей, некогда заложенных в основу великой европейской цивилизации. Безбожные силы покушаются притупить в людях стремление к уготованному им Отцом Небесным Царствию и любой ценой отвернуть их от тысячелетних устоев христианской нравственности.

Вопрос существования Бога сегодня как будто выпал из нашего дискурса. На самом деле это вечный вопрос, и от того, как люди на него отвечают, зависит формирование цивилизационного пространства. Цивилизация определяется в первую очередь тем, как люди, включенные в данное цивилизационное пространство, отвечают на вечные вопросы о Боге, мире и человеке. Все остальное — вторично. То есть цивилизация есть вместилище некоей традиции; и когда мы говорим о христианской, мусульманской, буддистской цивилизации либо о цивилизации секулярной, светской, — мы в первую очередь имеем в виду ценности, которые в той или иной цивилизации сохраняются и передаются

из поколения в поколение. А механизмом передачи ценностей является традиция.

Для современного человека традиция есть некий фактор, непременно связанный с прошлым. Нередко под словом «традиция» понимается своеобразный механизм консервации, закрепощающий человека и мешающий его развитию. На самом деле традиция — это способ передачи ценностей, лежащих в основе цивилизации. Трудно сказать, насколько люди в разные времена были способны сформулировать то, о чем мы с вами сейчас размышляем, но передача ценностей посредством традиции наблюдалась на протяжении всей истории человечества.

Что происходит, когда общество отказывается от традиции? Вспомним, как в 1517 году мир западного христианства потрясло выступление Мартина Лютера, ставшее началом Реформации. В учебниках, исторических трудах приводятся ее многочисленные причины — богословские, культурные, этические: мол, папство прогнило, торговали индульгенциями, епископат сливался с властью, жестоко эксплуатировавшей бедноту. Все это, очевидно, вызывало большое недовольство, создавая социально-политические предпосылки Реформации. Но самое главное — Реформация стала одним из ярчайших за всю историю человечества примеров отказа от традиции. Было это сделано сознательно или явилось результатом некоей неосторожности — это вопрос, но была «взорвана бомба». Традиция передавала христианские ценности в силу учительного авторитета Церкви. Реформация поставила его под сомнение,

и отныне толкователем Слова Божия мог стать любой человек. Переведенная Лютером на немецкий язык Библия становится доступной для всех, и теперь в принципе любой может настаивать на собственном толковании Священного Писания, заявляя: «И я имею от Духа Святого».

В результате авторитет традиции сменился авторитетом личности, и мы знаем, к чему это привело: вначале возникли лютеранство и реформатство, а вскоре началось их дальнейшее дробление на множество направлений. Сегодня протестантизм представлен сотнями, если не тысячами, религиозных организаций — именно потому, что в саму основу протестантизма был положен отказ от нормативного значения традиции, непризнание того, что традиция передает некий ценностный код, некую систему ценностей, которую каждое последующее поколение принимает и усваивает.

Думаю, очень важным сопутствующим культурным фактором было влияние идей Ренессанса. Реформация началась в контексте эпохи Ренессанса, то есть Возрождения. Возрождения чего? Античности. А какой Античности? Языческой. И если до Ренессанса ценность христианской традиции ни у кого не вызывала сомнений, если аксиологический набор передавался практически неизменно из поколения в поколение, то лейтмотивом эпохи Возрождения становится представление, что в центре миробытия не Бог, а человек. Антропоцентризм Ренессанса «сработал» и на идею Реформации: если в центре мира — человек, а не Бог, значит, человек властен по своему

усмотрению и Священное Писание толковать, и систему ценностей создавать. В результате сложился принцип: «сколько людей — столько и систем ценностей».

Впоследствии эпоха Просвещения закрепила эти идеи, ввела их в политологию. Звучали призывы к борьбе с так называемой тиранией, в том числе с «тиранией» Церкви, потому что Церковь сохраняет традицию, ограничивая человека в праве создавать собственную систему ценностей. Эпоха Просвещения привела к революциям, изменившим лицо Европы, к формированию целого ряда идей и ценностей, восходящих к антропоцентрической системе Ренессанса. Особый акцент стал делаться на человеческих свободах, на развитии права как системы, призванной гармонизировать их проявления. Эта система, связанная с так называемым философским либерализмом, существует до сих пор. Из нее вышла концепция прав человека и многое другое.

Переходя от нового времени к новейшему, мы наблюдаем такие направления, как рационализм, позитивизм, примитивный материализм, адепты которого утверждали, что Бога нет, потому что все, мол, можно посчитать математически. Далее следует идея рационального устройства жизни — конечно, на нерелигиозной основе. И, наконец, эпоха постмодерна с его полным отказом от понятия истины: «объективной истины не существует, есть право любого человека на собственную истину».

Мы знаем, что идеи постмодерна спровоцировали сексуальную революцию 1960-х годов.

Раскрепостив инстинкты людей, она извратила священные понятия о семье и отношениях между полами, привела к оправданию гомосексуальных связей и их легитимизации на законодательном уровне. Все это — последствия принципа «сколько голов — столько и истин», который пытаются оправдать в том числе и концепцией прав человека. Мало того, что каждому позволено жить по своей «истине» (в конце концов, кто вправе вторгаться в сокровенную, внутреннюю жизнь человека?), но все эти «истины» еще и агрессивно навязываются обществу.

Я глубоко убежден, что если общество принимает либеральную идею как экономическую, политическую, социальную, общественную, то оно должно противопоставлять этой идее традиционализм в области становления человеческой личности, традиционализм в области духовной жизни человека и межличностных отношений.

В либерализме отсутствует понятие греха: его место заняло понятие свободы. Многим кажется, что общество, построенное на принципах либерализма, является идеальным и никаких иных ограничений человеческой свободы, кроме законодательства, не требуется. С моей точки зрения, это глубочайшее заблуждение. Если мы вслед за либералами потеряем понятие греха, если у нас будет только одно понятие свободы, то мы создадим совершенно нежизнеспособную цивилизацию, которая придет к глубокому духовному, культурному и политическому кризису, а затем рухнет, взорвется под напором человеческой греховной страсти.

Традиция же имеет огромное значение с точки зрения формирования человеческих убеждений. Если все относительно, то человека можно развернуть куда угодно. А если человек воспитывается на основе традиции, то в нем формируются ценности, связанные с историей, культурой, духовной жизнью его народа, и тогда его никуда не развернешь. Если ему предлагается идея, он ее критически оценивает с точки зрения своего исторического опыта.

Поэтому единственное сочетание либерального и традиционного, единственное сочетание нашего православного образа жизни и влияющего на нас так называемого европейского секулярного стандарта может быть только в сохранении традиционных ценностей, в сохранении православного образа жизни, который обеспечивает человеку возможность бороться с грехом уже только потому, что ясно описывает, что есть грех, называя его отрицательным, более того — разрушительным началом человеческой жизни.

Я говорю то же самое на Западе, обращаюсь к западным слушателям, воспитанным в этой либеральной идее, говорю им: подумайте о будущем человеческой цивилизации, потому что, искажив понятие греха, раскрепостив падшего человека, вы раскрепостили страшную, разрушительную энергию человеческой страсти и человеческого инстинкта, которая в условиях гражданских свобод способна уничтожить человеческую цивилизацию.

Полагаю, самое страшное ожидает нас тогда, когда идея плюрализма, идея «множества истин», окончательно растворит в себе способность

человека к различению добра и зла. Ибо именно тогда и придет антихрист. Действительно, до тех пор, пока человеческое сознание свободно различает добро и зло, правду и кривду, истину и заблуждение, антихристу нечего делать и нечего искать среди людей, потому что никто из них, будучи в ясном уме и здравом духе, добровольно и сознательно не присягнет на верность воплощению зла и гибели. Но человек способен воспринять зло в том случае, если оно явится облаченным в блистающие белоснежные ризы *Ангела света* (2 Кор. 11, 14). А это возможно только при утрате людьми богоданной способности различать добро и зло, делая при этом выбор в пользу добра. Именно этот религиозный навык ныне атрофируется у человечества. Было бы еще полбеды, если бы идеи всеобщего плюрализма и релятивизма продвигались их адептами на уровне философского дискурса или общественных дебатов. Однако ныне эти идеи все чаще получают официальное признание и обретают права гражданства в национальных и международных сводах законов.

Так, еще 18 января 2006 года на своем заседании в Страсбурге Европейский парламент проголосовал за резолюцию, осуждающую гомофобию как неприятие гомосексуализма и призывающую страны-члены ЕС предпринять новые шаги по легализации однополых союзов в странах Европы. Эта резолюция была принята 468 голосами депутатов при 149 «против» и 41 воздержавшемся.

Документ, одобренный Европейским парламентом, в сфере нравственных отношений является беспрецедентным. Однако его появление было

отчасти подготовлено резолюцией № 1464 (2005) Парламентской ассамблеи Совета Европы «Женщины и религия в Европе», поскольку там была предпринята попытка вывести основополагающее право на свободу совести из общего контекста прав человека.

Основная проблема строительства единой Европы заключается не в конфликте между последователями разных религий, а в том, что традиционная мораль, общая для всех авраамических религий, зачастую не совпадает или входит в противоречие с той секулярной системой ценностей, которая пропагандируется некоторыми международными организациями. Так, резолюция «Женщины и религия в Европе» была воспринята верующими людьми как прямое провоцирование конфликта ценностей, как открытый вызов религиозному мировоззрению. Таким образом, последовательное вытеснение норм религиозной морали из светского законодательства ставит под угрозу общественные устои. В результате верующий человек оказывается перед неразрешимой дилеммой, ибо открытое исповедание своей веры оборачивается для него нелояльностью к светскому закону.

Казалось бы, не нужно быть пророком, чтобы предвидеть подобные последствия принятия таких документов в объединенной Европе. Почему же европейские структуры с такой настойчивостью продвигают их? Все дело в том, что сегодня верующий человек пока еще обладает религиозной свободой и имеет право ссылаться на свои религиозные убеждения. Он может, например, заявить: в соответствии с положениями моей веры я призван

рассматривать гомосексуализм как грех перед Богом и осуждать этот грех; также, согласно моей вере, я придерживаюсь совершенно определенного взгляда на отношения между мужчиной и женщиной, на природу женщины и на особое предназначение женщины в мире. А резолюции, подобные тем, что были приняты ПАСЕ в конце 2005 года и Европарламентом в начале 2006 года, отнимают у верующих право духовно мотивированного выбора, фактически объявляя, что религиозная свобода в новой Европе кончается там, где начинаются права человека. Так на практике осуществляется то, о чем я всегда говорю: отрицая Божественную истину, люди утрачивают критерий правды своего существования. Плюралистическая модель предполагает, что любая точка зрения может быть принята, востребована и законодательно оправдана.

Не следует, однако, думать, что происходящее в Страсбурге никак не затрагивает Россию. Моральные, идеологические и законодательные стандарты, которые вырабатываются в международных структурах, затем распространяются по всему миру. Более того, именно по степени готовности принять стандарты Страсбурга и Брюсселя Запад оценивает те или иные страны и в соответствии с этим строит свои отношения с ними.

Напомню, как развивались события в связи с принятием в России Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹. Запад дружно выступал против этого Закона, требуя от Кремля

¹ Речь идет о Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997, № 125-ФЗ.

заблокировать его прохождение. Что же случилось и почему именно эта проблема вызвала такую негативную и согласованную реакцию Запада? Причина в том, что наш Закон о свободе совести был воспринят как не соответствующий либеральным стандартам прав человека. В сущности, от России почти в ультимативной форме требовали приведения национального Закона о свободе совести в соответствие с международными, а фактически западными, стандартами.

Но возникают вопросы: почему мы, православные, не можем жить, по крайней мере в своем доме, в согласии со своей традицией? Насколько возможна унификация всего мира в соответствии с единой для всех культурно-цивилизационной нормой, порожденной западным либерализмом? Реальна ли такая унификация без ущерба для самобытности народов, для их культурной и религиозной жизни? И что мы, православные, можем противопоставить современной либеральной западной цивилизации, которая, отказываясь от собственной традиции, разрушает сама себя?

Отказ от Предания и бесконечная реформация

Наше вероучение и наша церковная практика имеют своим краеугольным камнем, своей нормой и своим критерием наравне со Священным Писанием Священное Предание. Предание, преемственно полученное нами от апостолов Христовых, — это не инвентарная опись духовных ценностей, а объем веры во всей целокупности, живое собрание вероучительных и нравоучительных истин, необходимых для человеческого спасения. В Священном Предании запечатлена норма веры.

Как в Церкви выявлялась ересь? Если вероучение некоего человека или группы людей отличалось от нормы веры, содержащейся в Предании, то есть не совпадало с апостольским учением, сохраняемым в Предании — живом потоке церковной жизни, перетекающем из поколения в поколение, то было ясно, что Церковь имеет дело с еретической доктриной. Существование понятий «еретик» и «православный» возможно только в связи с идеей Предания. Поскольку есть понятие Предания как нормы, постольку возможно и отклонение от нее. Сохранение и сбережение неповрежденной нормы есть Ортодоксия, то есть Православие, а нарушение нормы и отход от нее — либо ересь, либо раскол.

Отсутствие нормы веры всегда неизбежно приводило и приводит к появлению иных норм и иных стандартов. Стоит отойти от нормы Предания, от апостольской веры во всей ее полноте, укорененной и сохраненной в Церкви, стоит отступить от этого универсального правила веры и жизни, как явится соблазн подпасть под власть иных, ложных норм. Пример господства одной из таких норм над нормой апостольского Предания являет современное протестантское богословие.

Отказ протестантских конфессий от Предания как нормы веры неизбежно привел к теории и практике, согласно которым всякий уверовавший способен самостоятельно интерпретировать Священное Писание, не сообразуя эту интерпретацию с верой Церкви. Чем же все это обернулось в итоге? Известно, что «сколько голов, столько и умов». К счастью, не всякая голова занята толкованием Священного Писания, а по преимуществу только богословская. Но поскольку и таких оказалось немало, началась цепная реакция бесконечно-го расщепления некогда более или менее однородной протестантской доктрины сначала на крупные, а затем на все более мелкие богословские течения, школы, направления, секты и общины. Весь этот процесс закономерно вписывался в логику отказа от нормы веры, воплощенной в Священном Предании, и тем самым как бы получал высшую санкцию и оправдание.

С нашей точки зрения, то, что произошло на Западе в результате Реформации, оказалось очень опасным. Ведь Реформация начиналась как попытка максимально актуализировать христианское

послание, очистить его от наслоений, представить наиболее убедительным для современников. В любых самых популярных исторических трудах о XVI столетии, о том, что эта реформа означала для истории христианства, говорится, что это была попытка освободить, очистить Католическую Церковь от разных наслоений, — что было правильно. Но неправильным оказалось то, что посягнули на ядро, которое надо было сохранять при всех обстоятельствах. И когда теперь наши протестантские братья говорят: «*Ecclesia semper reformanda*»¹, то подразумевают не актуализацию, а постоянное изменение самой сути евангельского послания применительно к философским вкусам современности.

¹ Церковь всегда реформирующаяся (лат.).

Появление либерального стандарта

В XVII—XVIII веках, в эпоху Просвещения, на Западе стала развиваться так называемая либеральная идея.

Само слово «либерализм» происходит от слова «свобода». В основе либеральной идеи лежит идея свободы, освобождения человеческой личности от того, что ее сковывает: то есть все, что человеческую личность сковывает, должно быть разрушено, потому что свобода человека — абсолютная и непререкаемая ценность.

Идея освобождения человека, вызревавшая в лоне определенных социальных групп, нередко бывала сопряжена с революционными процессами, с борьбой против государственной власти в странах Западной Европы, а впоследствии и в России. В качестве фундаментальной проблемы постулировалась несвобода человеческой личности, закабаленной структурами и институтами государства, социальным устройством, общественными пред-рассудками и условностями. Следовательно, индивидуума нужно было освободить, ибо он, индивидуум, и есть абсолютная и конечная ценность.

Понятно, что имени Божию в этой картине мира места не осталось. Явился так называемый светский гуманизм, в основу которого была положена атеистическая идея. В центр вселенной был

помещен человек, как мера всех вещей. Языческое происхождение этого антропоцентрического комплекса идей, утвердившихся в культуре Западной Европы в эпоху Возрождения, вполне очевидно. Ведь именно авторитетом Ренессанса, как уже было сказано, освящена концепция антропоцентричности мироздания, в которой средоточием бытия и социума полагается индивидуум. Таким образом, вместе с возрождением языческой культуры происходило возвращение к языческой этике и языческому мирозерцанию.

Что же до западного протестантизма, жестко детерминированного ложной, даже не в полной мере христианской нормой веры, то и он, приняв постулат о личной свободе человека как высшей ценности его земного бытия, содействовал формированию либеральной идеи, сочетавшей, таким образом, христианское и языческое начала. Определенное влияние оказала также достаточно авторитетная в образованных западноевропейских кругах иудейская богословская мысль, пришедшая из Испании вместе с еврейской эмиграцией в Голландию и сопредельные страны. К XIX веку практически сформировалось то, что можно назвать либеральным стандартом.

Современный протестантизм, отвергая Предание как норму жизни, одновременно придает огромное значение либеральной идее. Как поступают протестантские богословы, когда в их сознании вступают в противоречие основополагающая для христианской веры норма Предания и современный либеральный стандарт? Они отдадут предпочтение последнему.

Приведу лишь один пример. Что означает внедрение женского священства в западном протестантизме? Когда православных спрашивают, почему они не рукополагают женщин, те отвечают, что подобное выходит за рамки Предания и апостольской веры. Протестанты же возражают, ссылаясь на то, что всякая традиция обусловлена конкретными культурно-историческими условиями, а в наши дни отказ от рукоположения женщин якобы принимает форму их дискриминации. Ведь, как и всякий человек, женщина равна в правах с другими людьми, свободна по определению и, следовательно, должна в полной мере иметь возможность пользоваться плодами этой свободы. Это результат феминизма, эмансипации женщин. Так, с одной стороны здесь — незыблемая истина, а с другой — веление времени, либеральный стандарт.

Код самоуничижения

В чем опасность «нового» стандарта жизни, в основе которого лежит либеральная идея, который сегодня предлагается всему миру и связывается с западными культурными ценностями?

Либеральная идея ставит в центр бытия человеческую личность и говорит, что наивысшей ценностью является свобода индивидуума. На первый взгляд, то же самое говорит и христианство: свобода является величайшей ценностью, *к свободе призваны вы, братия* (Гал. 5, 13). Однако в понимании свободы мы видим колоссальную разницу. Либерализм ставит в основание и центр бытия свободу падшего человека с его грехом, с его страстями, с его свободой и правом жить соответственно своим страстям. А апостол Павел призывает нас к свободе от греха, утверждая, что свобода человека от греха является высочайшей ценностью человеческого бытия (см.: Рим. 6, 18—23). Тут современный человек может сразу сделать кислое выражение лица: «О чем это они опять?» О том самом, что не внешние факторы закабаляют человека — мы сами своими инстинктами, своей похотью делаем себя рабами той или иной модели поведения, и Господь призывает нас освободиться от этой внутренней тирании.

Либеральный же подход требует только одного: не нарушайте закон, не наступайте на пятки

друг другу, а что у вас внутри, какую нравственную истину вы исповедуете или отрицаете — ваше личное дело. Это глубочайшее заблуждение, которое исподволь проникло в человеческую цивилизацию со времен эпохи Просвещения. Тогда тема свободы казалась очень притягательной, но сегодня мы видим, к чему пришел род человеческий, к чему приходит человеческая цивилизация: она сама в себя заложила некий код самоуничтожения, — потому что нет объективного критерия добра и зла, нет объективного понимания истины. На деле такой взгляд не может принести ничего, кроме несчастья, — и отдельным людям, и обществу в целом.

Прочитав слова замечательного английского писателя Клайва Льюиса: «Первое, что необходимо для того, чтобы оценить любое создание — от штопора до собора, — это понимание того, зачем оно было создано и в чем его предназначение. Это верно и в отношении человека. Мы ломаем любой инструмент, любую машину, если попробуем использовать ее не для того, для чего она была замыслена. И мы точно так же разрушим человеческую жизнь, если откажемся следовать подлинному замыслу о ней».

Создатели либеральной идеи говорили так: «Есть только одно условие, которое может ограничить свободу человека, — свобода другого человека». Это фундамент либерализма. «Не должно быть ничего, что сковывает меня в проявлении моей самости, в проявлении моего собственного “я”, пусть греховного — это никого не касается (до тех пор, пока я не совершаю общественных

преступлений и злодеяний). Во внутренней жизни я свободен, и все, что ограничивает меня, есть условность или пережиток прошлого. Больше никаких заповедей, абсолютная свобода!» Но что получается на самом деле? Провозгласив свободу человека жить по законам страстей и пороков, по стихиям мира сего, либерализм одновременно дает возможность людям не только творить беззакония (личное беззаконие, в конце концов, — это личное дело, личный грех), но и включать эти беззакония в систему общественных ценностей.

Мы сегодня удивляемся: что за страшное падение нравов! Посмотрите, люди имеют две-три семьи и считают это нормальным; имеют двух-трех «партнеров» (как теперь говорят) и считают это нормальным; с легкостью избирают «нетрадиционную» сексуальную ориентацию и считают это нормальным, более того, пропагандируют все это. Для нас, православных, это странно, потому что мы живем по Преданию, и с точки зрения Предания, нормы Предания — это ересь, это преступление. А с точки зрения либеральной идеи? «Человек свободен! Почему вы его сковываете?»

Такая жизнь по законам страстей, жизнь на основе инстинкта становится доминирующей темой современного искусства, литературы, СМИ, кинематографа, телевидения, рекламы. Искусство, которое призвано культивировать человеческую личность, обогащать ее, поднимать ее к небу, становится гирей, которая не дает человеку взлететь. Конечно, я имею в виду не все искусство, но то, которое в последние годы заявляет о своей особой роли и о своем праве нести людям искушение

Патриарх Московский и всея Руси
КИРИЛЛ

Подумайте о будущем человечества

*Духовно-просветительская
православная литература*

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редактор *М. Панфилова*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректор *М. Просветова*
Дизайн *А. Семенов*
Верстка *М. Алимпиев*

Фото пресс-службы Патриарха Московского
и всея Руси Кирилла

Подписано в печать 23.03.2018.
Формат 84×108 1/32. Объем 5,0 печ. л.
Тираж 2 000 экз. Заказ № .

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, 18

Оптовый отдел реализации: (499) 246-20-85,
(499) 246-52-08

Магазин на ул. Погодинской: (499) 245-30-68

Магазин на ул. Бакунинской: (499) 246-25-35

e-mail: books@rop.ru

<http://www.rop.ru>